

Иерусалемов Удел

Автор:

Стивен Кинг

Иерусалемов Удел

Стивен Кинг

«Дорогой мой Доходяга!

До чего же славно было вступить под промозглые, насквозь продуваемые своды Чейпелуэйта – когда после тряски в треклятой карете ноет каждая косточка, а раздувшийся мочевой пузырь требует немедленного облегчения, – и обнаружить у двери на фривольном столике вишневого дерева письмо, надписанное твоими неподражаемыми каракулями! Даже не сомневайся, что я принялся их разбирать, едва позаботился о нуждах тела (в вычурно изукрашенной холодной уборной на первом этаже, где дыхание мое облачком повисало в воздухе)...»

Стивен Кинг

Иерусалемов Удел

[1 - Jerusalem's Lot. © 2014. С. Лихачева. Перевод с английского.]

2 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

До чего же славно было вступить под промозглые, насквозь продуваемые своды Чейпелуэйта – когда после тряски в треклятой карете ноет каждая косточка, а раздувшийся мочевой пузырь требует немедленного облегчения, – и обнаружить

у двери на фривольном столике вишневого дерева письмо, надписанное твоими неподражаемыми каракулями! Даже не сомневайся, что я принялся их разбирать, едва позаботился о нуждах тела (в вычурно изукрашенной холодной уборной на первом этаже, где дыхание мое облачком повисало в воздухе).

Счастлив слышать, что легкие твои очистились от застарелых миазмов, и уверяю, что сочувствую твоей моральной дилемме – как следствию излечения. Недужный аболиционист, исцеленный под солнцем Флориды, этого оплота рабства! Тем не менее, Доходяга, прошу тебя как друг, тоже побывавший в долине теней, – позаботься о себе хорошенько и не смей возвращаться в Массачусетс, пока организм тебе не позволит. Что нам толку в твоём тонком уме и ядовитом пере, коли тело твоё обратится во прах; и если южные области для тебя благотворны – есть в этом некая высшая справедливость.

Да, особняк и впрямь роскошен – в точности таков, как убеждали меня душеприказчики моего кузена, – хотя и гораздо более зловещ. Стоит он на громадном мысе милях в трех к северу от Фалмута и в девяти милях к северу от Портленда. Позади него – около четырех акров земли, где царит живописнейшее запустение: тут тебе и можжевельники, и дикий виноград, и кустарники, и всевозможные вьюны захлестывают каменные изгороди, отделяющие усадьбу от городских владений. Кошмарные копии греческих статуй слепо плятятся сквозь обломки и мусор с вершины каждого холмика – того и гляди набросятся на одинокого путника, судя по их виду. Вкусы моего кузена Стивена, похоже, варьировались в самом широком диапазоне – от неприемлемого до откровенно кошмарного. Есть тут одна странноватая беседка, почти утонувшая в зарослях алого сумаха, и гротескные солнечные часы посреди того, что в прошлом, верно, было садом. Этаким завершающий сумасшедший штрих.

Но вид из гостиной с лихвой искупает все: глазам моим открывается головокружительное зрелище – скалы у подножия мыса Чейпелуэйт и самой Атлантики! На всю эту красоту выходит гигантское пузатое окно с выступом, а под ним притулился огромный, похожий на жабу секретер. А ведь отличное начало для романа, о котором я так долго (и наверняка занудно) рассказывал.

Сегодня день выдался пасмурным; случается, что и дождик брызнет. Гляжу в окно – мир словно карандашный эскиз: и скалы, древние и истертые, как само Время, и небо, и, конечно же, море, что обрушивается на гранитные клыки внизу со звуком, который не столько шум, сколько вибрация – даже сейчас, вода пером по бумаге, я ощущаю под ногами колыхание волн. И чувство это не то чтобы

неприятно.

Знаю, дорогой Доходяга, ты моего пристрастия к уединению не одобряешь, но уверяю тебя – я доволен и счастлив. Со мной Кэлвин, такой же практичный, молчаливый и надежный, как и всегда; уверен, что уже к середине недели мы с ним на пару приведем в порядок наши дела, договоримся о доставке всего необходимого из города – и залучим к себе отряд уборщиц для борьбы с пылью!

На сем заканчиваю – еще столько всего предстоит посмотреть, столько комнат исследовать – и не сомневаюсь, что для моих слабых глаз судьба заготовила с тысячу образчиков самой отвратительной мебели. Еще раз благодарю за письмо, от которого тотчас же повеяло чем-то родным и близким, – и за твои неизменные внимание и заботу.

Передавай привет жене; нежно люблю вас обоих,

Чарльз.

6 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Ну здесь и местечко!

Не перестаю на него удивляться – равно как и на реакцию обитателей ближайшей деревеньки по поводу моего приезда. Это своеобразное селение носит впечатляющее название Угол Проповедников. Именно здесь Кэлвин договорился о еженедельной доставке съестных припасов. Позаботился он и о второй нашей насущной потребности, а именно: о подвозе достаточного запаса дров на зиму. Однако ж вернулся Кэл с видом весьма удрученным, а когда я полюбопытствовал, что его гнетет, мрачно ответил:

– Они считают вас сумасшедшим, мистер Бун!

Я рассмеялся и предположил, что здешние жители, должно быть, прослышали, как я переболел воспалением мозга после смерти моей Сары – вне всякого

сомнения, в ту пору я вел себя как безумный, чему ты безусловный свидетель.

Но Кэл уверял, что никто обо мне ничего не знает, кроме как через моего кузена Стивена, который договаривался о тех же самых услугах, насчет которых теперь распорядился я.

– Эти люди говорят, сэр, что всяк и каждый, кто поселится в Чейпелуэйте, либо сошел с ума, либо на верном пути к тому.

Можешь себе представить мое глубочайшее недоумение. Я осведомился, от кого именно исходит это потрясающее сообщение. Кэл ответил, что его направили к угрюмому и вечно пьяному лесорубу по имени Томпсон: он владеет четырьмястами акрами соснового, березового и елового леса и с помощью своих пяти сыновей заготавливает и продает древесину на фабрики в Портленд и домовладельцам округа.

Когда же Кэл, ведать не ведая о его странных предрассудках, дал Томпсону адрес, по которому следует доставить дрова, означенный Томпсон вытаращился на него, открыв рот, и наконец сказал, что пошлет с грузом сыновей, белым днем и по прибрежной дороге.

Кэлвин, по всей видимости, неправильно истолковал мою озадаченность и, решив, что я огорчен, поспешил добавить, что от лесоруба за версту несло дешевым виски и что он принялся молоть какую-то чушь про заброшенную деревню и родню кузена Стивена – и про червей! Кэлвин закончил деловые переговоры с одним из сыновей Томпсона – как я понял, этот угрюмый мужлан был тоже не слишком трезв и благоухал отнюдь не розами и лилиями. Я так понимаю, с похожей реакцией Кэл столкнулся и в Углу Проповедников, в сельском магазине, побеседовав с хозяином, хотя этот был скорее из породы сплетников.

Меня все это не слишком-то беспокоило. Все мы знаем: поселян хлебом не корми, дай разнообразить жизнь ароматами скандала да мифа, а бедолага Стивен и его ветвь семейства, надо думать, к тому весьма располагали. Как я объяснял Кэлу, человек, который разбился насмерть, свалившись едва ли не с собственного крыльца, неизбежно вызовет пересуды.

Сам дом не перестает меня изумлять. Двадцать три комнаты, Доходяга! От панелей на верхних этажах и от портретной галереи веет затхлостью, но разрушение их не коснулось. Войдя в спальню моего покойного кузена на верхнем этаже, я слышал, как за стеной возятся крысы – здоровущие, судя по звукам; прямо подумаешь, что это люди ходят. Не хотелось бы мне столкнуться с одной из таких тварей в темноте – да и при свете дня не хотелось бы, чего уж там. Однако ж я не заметил ни нор, ни помета. Странно.

В верхней галерее рядами висят скверные портреты в рамах, что, должно быть, целое состояние стоят. В некоторых прослеживается сходство со Стивеном – таким, как я его запомнил. Надеюсь, я правильно опознал дядю Генри Буна и его жену Джудит; прочие мне незнакомы. Надо думать, один из них – мой печально известный дед Роберт. Но семейная ветвь Стивена мне совсем неизвестна, о чем я искренне жалею. В этих портретах, пусть и не самого лучшего качества, сияет та же добродушная ирония, которой искрились письма Стивена к нам с Сарой, тот же светлый ум. До чего же глупы эти семейные ссоры! Обшаренный ящик письменного стола, несколько резких слов между братьями, которые вот уже три поколения как в могиле, – и ни в чем не повинные потомки безо всякой нужды разлучены друг с другом. Не могу не задуматься о том, как же мне повезло, что вы с Джоном Питти сумели связаться со Стивеном, когда уже казалось, что я отправлюсь вслед за Сарой под своды Врат, и как же досадно, что несчастный случай лишил нас возможности встретиться лицом к лицу. Много бы отдал, чтобы послушать, как он станет защищать наследное достояние – эти жуткие скульптуры и мебель!

Но полно мне чернить усадьбу. Вкусы Стивена моим не созвучны, что правда, то правда, но под внешним лоском всех этих нововведений и дополнений встречаются подлинные шедевры (изрядное их количество зачехлено в верхних покоях). Это и столы, и кровати, и тяжелые темные витые орнаменты из тикового и красного дерева; многие спальни и парадные комнаты, верхний кабинет и малая гостиная заключают в себе своеобразное мрачное очарование. Богатый сосновый паркет словно лучится внутренним тайным светом. Ощущается во всем этом спокойное достоинство; достоинство – и бремя лет. Пока еще не могу сказать, что внутреннее убранство мне нравится – но почтение вызывает. Любопытно посмотреть, как все станет преобразаться вместе со сменой времен года в этом северном климате.

Надо же, как я разошелся-то! Жду ответа, Доходяга, – и поскорее! Пиши, как ты поправляешься, что нового у Питти и остальных. И, умоляю, не совершай ошибки

и не пытайся навязывать свои взгляды новым южным знакомым чересчур настойчиво – я так понимаю, кое-кто из них может одними словами не ограничиться, не то что наш велеречивый друг мистер Колхаун.

Твой любящий друг

Чарльз.

16 октября 1850 г.

Дорогой Ричард!

Здравствуй-здравствуй, как живешь-поживаешь? С тех пор как я поселился здесь, в Чейпелуэйте, я частенько о тебе думаю и уже надеялся и письмо от тебя получить – и тут вдруг пишет мне Доходяга и сообщает, что я позабыл оставить свой адрес в клубе! Но будь уверен, я бы в любом случае написал рано или поздно: порою мне кажется, что мои верные и преданные друзья – вот и все, что осталось в мире надежного и здорового. И, Господи милосердный, как же нас раскидало по свету! Ты – в Бостоне, исправно строчишь статьи для «Либерейтора» (кстати, им я тоже свой адрес послал), Хэнсон в очередной раз укатил развлекаться в Англию, будь он неладен, а бедный старина Доходяга лечит легкие в самом что ни на есть логове льва.

У меня тут все относительно неплохо, и будь уверен, Дик, я вышлю тебе подробнейший отчет, как только разберусь с кое-какими докучными событиями – думается, некоторые происшествия здесь, в Чейпелуэйте, и в окрестностях тебя изрядно заинтригуют – с твоим-то цепким умом юриста.

А между тем хочу попросить тебя о небольшом одолжении, если ты не против. Помнишь, на благотворительном обеде у мистера Клэри в поддержку общего дела ты мне представил некоего историка? Кажется, его Бигелоу звали. Как бы то ни было, он упомянул, что собирает разрозненные исторические сведения о той самой области, где я ныне живу: дескать, хобби у него такое. Так вот, моя нижайшая просьба: не свяжешься ли ты с ним и не спросишь ли, не известны ли ему хоть какие-нибудь факты, обрывки фольклора или просто слухи касательно крохотной покинутой деревушки под названием ИЕРУСАЛЕМОВ УДЕЛ близ городишки Угол Проповедников, на реке Ройял? Сама эта речушка является

притоком Андроскогина и воссоединяется с ним примерно одиннадцатью милями выше места впадения реки в море близ Чейпелуэйта. Я буду безмерно тебе благодарен; более того, вопрос этот, по всей видимости, очень важен.

Перечитал письмо; кажется, получилось и впрямь слишком коротко, о чем я искренне жалею. Но будь уверен, вскоре я все объясню, а до тех пор шлю самый теплый привет твоей супруге, обоим замечательным сыновьям и, конечно же, тебе самому.

Твой любящий друг

Чарльз.

16 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Расскажу тебе одну историю – нам с Кэлом она показалась несколько странной (и даже тревожной); посмотрим, что ты скажешь. По крайней мере она тебя поразвлечет, пока ты там с москитами сражаешься!

Два дня спустя после того, как я отправил тебе свое предыдущее письмо, из Угла прибыла группка из четырех молодых барышень под надзором почтенной матроны устрашающе компетентного вида с именем миссис Клорис – дабы привести дом в порядок и побороться с пылью, от которой я чихал едва ли не на каждом шагу. Они взялись за работу: причем все явно слегка нервничали. Одна трепетная мисс, прибиравшаяся в верхней гостиной, даже взвизгнула, когда я неожиданно вошел в дверь.

Я спросил миссис Клорис, отчего все так (она обметала пыль в прихожей на нижнем этаже: волосы забраны под старый выгоревший платок, весь облик дышит непреклонной решимостью – ты бы ее видел!). Она развернулась ко мне и решительно объявила:

– Им не по душе этот дом, и мне тоже не по душе этот дом, сэр, потому что дурное это место, и так было всегда.

У меня просто челюсть отвисла от неожиданности. А миссис Клорис продолжила, уже мягче:

– Ничего не хочу сказать про Стивена Буна – достойный был джентльмен, что правда, то правда; я приходила к нему прибираться каждый второй четверг все то время, что он здесь прожил; и на его отца, мистера Рандольфа Буна, я тоже работала, до тех пор, пока они с женой не пропали бесследно в одна тысяча восемьсот шестнадцатом году. Мистер Стивен был человек хороший и добрый, вот и вы таким кажетесь, сэр (простите мне мою прямоту, я по-другому говорить не научена), но дом этот – дурное место, и всегда так было, и никто из Бунов не был здесь счастлив с тех самых пор, как ваш дед Роберт и его брат Филип рассорились из-за украденных (здесь она виновато помолчала) вещей в тысяча семьсот восемьдесят девятом году.

Ну и память у этих поселян, а, Доходяга?

А миссис Клорис между тем продолжала:

– Этот дом был построен в несчастье, несчастье обосновалось в нем, полы его запятнаны кровью, – (а как ты, Доходяга, возможно, знаешь, мой дядя Рандольф был каким-то образом причастен к трагическому эпизоду на подвальной лестнице, в результате которого погибла его дочь Марселла; в приступе раскаяния он покончил с собой. Стивен рассказывает об этой беде в одном из своих писем ко мне, в связи с печальным поводом – в день рождения своей покойной сестры), – здесь пропадали люди и приключалось непоправимое.

Я здесь работаю, мистер Бун, а я не слепа и не глуха. Я слышу жуткие звуки в стенах, сэр, воистину жуткие – глухой стук, и грохот, и треск, и один раз – странные причитания, переходящие в хохот. У меня просто кровь застыла в жилах. Темное это место, сэр.

И тут миссис Клорис прикусила язык, как будто испугавшись, что выболтала лишнее.

Что до меня, я даже не знал, обижаться ли или смеяться, изобразить любопытство или прозаичное безразличие. Боюсь, победила ирония.

– А вы как себе это объясняете, миссис Клорис? Никак, призраки цепями гремят?

Но она лишь посмотрела на меня как-то странно.

- Может, и призраки тут есть. Да только не в стенах. Не призраки это стонут и плачут, точно проклятые, и гремят и бродят, спотыкаясь, впотьмах. Это...

- Ну же, миссис Клорис, - подзуживал ее я. - Вы и без того многое сказали. Осталось лишь докончить то, что вы начали!

В лице ее отразилось престранное выражение ужаса, досады, и - я готов в этом поклясться! - благоговейной набожности.

- Некоторые - не умирают, - прошептала она. - Некоторые живут в сумеречной тени между мирами и служат - Ему!

И это было все. Еще несколько минут я забрасывал ее вопросами, но миссис Клорис продолжала упорствовать, и я из нее более ни слова не вытянул. Наконец я отступился - опасаясь, что она, чего доброго, возьмет да и откажется от работы.

На этом первый эпизод закончился, но тем же вечером приключился второй. Кэлвин растопил внизу камин, и я сидел в гостиной, задремывая над свежим номером «Интеллигенсера» и прислушиваясь, как под порывами ветра дождь хлещет по огромному выступающему окну. Столь уютно ощущаешь себя только в такие ночи, когда снаружи - ужас что такое, а внутри - сплошь тепло и покой. Но мгновение спустя в дверях появился взволнованный Кэлвин: ему, похоже, было слегка не по себе.

- Вы не спите, сэр? - спросил он.

- Не то чтобы, - отозвался я. - Что там такое?

- Я тут обнаружил кое-что наверху - думается, вам тоже стоит взглянуть, - отвечал он, с трудом сдерживая возбуждение.

Я встал и пошел за ним. Поднимаясь по широким ступеням, Кэлвин рассказывал:

– Я читал книгу в кабинете наверху – довольно-таки странную, надо признаться, – как вдруг услышал какой-то шум в стене.

– Крысы, – отмахнулся я. – И это все?

Кэлвин остановился на лестничной площадке и очень серьезно воззрился на меня. Лампа в его руке роняла причудливые, крадущиеся тени на темные драпировки и смутно различаемые портреты: сейчас они скорее злобно скалились, нежели улыбались. Снаружи пронзительно взвыл ветер – и снова неохотно попритих.

– Нет, не крысы, – покачал головой Кэл. – Сперва за книжными шкафами послышалось что-то вроде глухого, беспорядочного стука, а затем кошмарное бульканье – просто кошмарное, сэр! И – царапанье, как будто кто-то пытается выбраться наружу... и добраться до меня!

Вообрази мое изумление, Доходяга. Кэлвин – не из тех, кто впадает в истерику и идет на поводу у разыгравшегося воображения. Похоже, здесь и впрямь есть какая-то тайна – и, возможно, неаппетитная.

– А потом что? – полюбопытствовал я. Мы прошли вниз по коридору: из кабинета на пол картинной галереи струился свет. Я опасливо поежился: в ночи вдруг разом стало крайне неудобно.

– Царапанье смолкло. Спустя мгновение топот и шарканье послышались снова, но теперь они удалялись. В какой-то миг наступила недолгая пауза – и клянусь вам, что слышал странный, почти невнятный смех! Я подошел к книжному шкафу и кое-как его сдвинул, полагая, что за ним, быть может, обнаружится перегородка или потайная дверца.

– И что, обнаружилась?

Кэл замешкался на пороге.

– Нет – зато я нашел вот это!

Мы вошли внутрь: в левом шкафу зияла прямоугольная черная дыра. В этом месте книги оказались всего-навсего муляжами: Кэл отыскал небольшой тайник. Я посветил в дыру: ничего. Только густой слой пыли – накопившийся, верно, за много десятилетий.

– Там нашлось вот что, – тихо проговорил Кэл и вручил мне пожелтевший лист бумаги. Это была карта, прорисованная тонкими, как паутинка, штрихами черных чернил: карта города или деревни. Зданий семь, не больше; под одним из них, с четко различимой колокольной, было подписано: «Червь Растлевающий».

В верхнем левом углу – в северо-западном направлении от деревушки – обнаружилась стрелочка. Под ней значилось: «Чейпелуэйт».

– В городе, сэр, кто-то суеверно упомянул покинутую деревню под названием Иерусалемов Удел, – промолвил Кэлвин. – От этого места принято держаться подальше.

– А это что? – любопытствовал я, ткнув пальцем в странную надпись под колокольной.

– Не знаю.

Мне тут же вспомнилась миссис Клорис, непреклонная – и вместе с тем напуганная до смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Jerusalem's Lot. © 2014. С. Лихачева. Перевод с английского.

Купить: <https://telnovel.com/stiven-king/ierusalemov-udel>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)